Статьи Н. Погодина и В. Залесского посвящены актуальным проблемам сегодняшнего театрального искусства. В ходе обсуждения этих проблем на страницах «Литературной газеты» — обсуждения, в котором приняли участие Н. Товстоногов, И. Ильинский, Ю. Завадский, С. Бирман, Ю. Лавров и другие — много говорилось об искусстве Московского Художественного театра, о его завованиях, о трудностях и нерешенных задачах. Редакция представила возможность высказать по этому вопросу различные точки зрения. Мы надеемся, что этот разговор, проникнутый заботой о завтрашнем дне МХАТа, поможет молодому прославленного театра в его дальнейшей работе.

Давние раздумья

ПОЛЕМИКА

Николай ПОГОДИН

МХАТ — это сокровищница не только русской театральной культуры, но всей нашей культуры в широком смысле этого понятия. Лишь с этой точки зрения и следует рассматривать все вопросы, выдвинутые жизнью перед этим театром, как бы эти вопросы ни были сложны и печальны.

Хочу раскрыть поэтому в последнее слово в оговорить, что нарочно не читал последних статей [illegible] МХАТу, чтобы самому выношивать свои давние мысли. У меня нет этих «давних мыслей», начиная, может быть, с тех лет, когда на сцене этого театра ставились такие далекие высокому искусству МХАТа пьесы, как «Хлеб». Тогда, в помню, Алексей Попов говорил: «Если им в антрактах давать бутерброды и молоко, — они будут играть по три таких спектакля в день».

Уже в те годы надо было ждать возмездия, но оно тянулось в недрах этого организма, как таится кровяческий недуг, с которым борется природа изо последнее. Но за одну попытку сказать, что МХАТ — это не портреты на его стенах, не бюсты и не сами стены, а живые люди, которые стоят на этом театре, автор этих строк натерпелся сполна горя, что дал себе слово помолчать. Теперь можно нарушить свой обет. И самые нетерпимые опекатели МХАТа начинают понимать, что их резонная опека обращается чем-то неожиданным и непонятным.

Когда-то, — нарочно, это можно вспомнить точно, — на самой премьере «Хлеба», значит, в начале прошлых годов, театру было дано «устное указание», в как принято говорить в таких случаях, весьма авторитетное: «Не торопиться и работать над постановкой спектакля этак год-два». При этом были сказаны и нужные слова о том, что не следует ставить «агитки» на слабых современных пьес, отнюдь [illegible] не лучшее в свой репертуар.

Но что значит «не торопиться»? Когда-то МХАТ «торопился» и создавал свои шедевры, потрясшие мировое сценическое искусство. М. Н. Кедров, наоборот, «не торопился» в поставке своей изумительной спектакль «Глубокая разведка». У постановщиков, актеров, литераторов, художников есть свое рабочее понятие «как пойдет», если, конечно, на него опирается целесообразно и, значит, добросовестно, не занимаясь мистикой творчества. Как огульная [illegible] на что бы ни [illegible] на в страховое правило «не торопиться» [illegible] в этом коллективе особый [illegible] [illegible] беспокоит. Правило без исключения, кажется, не правило. Тогда оно мертво, во всяком случае в жизни МХАТа, где можно найти много исключений, а во здоровых, сильных людях отрадительна теплилась неныносимо безразличие.

Раскрою здесь одну из «мистических тайн творчества», хоть она отнесена к прошлому. Мы репетировали «Яренгелские куранты» [illegible]. Я приходил в МХАТ из других театров, ничего не мог понять. В сущности, шли беседы, умные, полезные, приятные, потом по времени воспоминания чувался текст, потом актеры расходились «работать над собой». Так месяц за месяцем, конца не было видно. И за это время написал другую пьесу. Ее поставили в другом театре, и мы беседовали. Но старые, знающие актеры мне говорили:

— Не обращайте внимания и не беспокойтесь... За два месяца до премьеры все начнут по-настоящему работать. Автор себе не враг.

Начали, действительно, и ничего не получилось. Спектакль пришлось заменять. Вл. И. Немирович-Данченко. Но на его репетициях уже всегда было рассуждать «о том, о сем». Этот восьмидесятилетний человек работал на одном дыхании и умел ценить каждую минуту времени же в образном и в буквальном смысле. Он не тропился и, по-моему, очень приблизительно представлял далекие его понятиям определение «назначенный срок». И когда я по наивности спросил у него, смеро ли он выпустит спектакль, то он сухо отвечал мне, что в Художественном театре спектакль можно выпустить, когда будет готов.

Здесь надо задержаться. Леонардо да Винчи никогда не мог остановиться, потому что в нем жила неисчерпаемость идей, которую он один мог видеть. И все-таки он понимал, на что способна его рука. Так и в искусстве театра. Каждый режиссер, если он не безнадежный ремесленник, видит свою идею, но он отлично понимает, на что способны его актеры, да и сам он. «Когда спектакль готов» — это отвода не [illegible] [illegible] [illegible]